

ТОБЫ получить разрешение на посещение района нефтедобычи, пришлось вести переговоры с представителем «Шелл» в городе Брунее мистером Коатсом, одним из тех местных англичан, кому султан пожаловал почетное малайское звание «дато». Коатс, здоровенный рыжий детина, озадачен моим визитом. Еще не было такого случая, чтобы в вотчину Детердингов в брунейском султанате вторгся какой-то советский корреспондент.

«Как посмотрят на такое в Лондоне?» — читаю на лице «дато» и думаю о том, какие бы наиболее убедительные аргументы привести в свою пользу.

— Полагаю, что, не побывав на промыслах, я не смогу получить полного представления о султанате, — говорю я. — Известно, какую важную роль в экономике Брунея играет ваша фирма.

— О да, — самодовольно соглашается Коатс. — Экономика страны — это мы... Значит, вы хотели бы побывать на наших нефтяных промыслах?..

— Хотел бы. И еще по одной причине.

— Какой же?

— Представитель советского пароходства в Сингапуре рассказывал мне о деловых контактах с фирмой «Шелл». Нередко наши торговые теплоходы и рыболовецкие траулеры заправляются жидким топливом на шелловской базе. Кстати, в прошлом году в сингапурский порт заходило около пятисот кораблей под советским флагом. Прибыли «Шелл» находятся в некой пропорциональной зависимости от данной цифры. Этот факт дает мне основание надеяться на любезность представителя фирмы, заинтересованной в сотрудничестве с солидным партнером.

— Я вас понял. Сотрудничество, особенно если оно приносит прибыль, — дело хорошее. Я позвоню нашей администрации, чтобы вас получше приняли. Главная контора «Бруней шелл петролеум компани» находится не здесь, а в Сериа. Завтра же утром и поезжайте туда.

Ранним утром в сопровождении чиновника туристической службы Хэппи Лю выезжаю на нефтяные промыслы «Шелл». Мистер Хэппи сам ведет свой малолитражный «Остин». Промыслы расположены в северо-западной части маленькой страны, в районе малайзийской границы. Прибрежный поселок Сериа — центр владений «Бруней шелл петролеум компа-

ни». Весь путь до этого пункта занимает часа два с небольшим.

Минуем городскую окраину. К городу подступают массивы каучуковых деревьев — гевеи. Вид этих насаждений какой-то заброшенный, неопрятный — не то, что каучуковые плантации, которые я видел в Малайзии и Индонезии. Там они обычно отличаются идеальной чистотой, словно парк, за которым заботливо ухаживает садовник. Здесь толстые деревья-переростки опутаны лианами, кустарник образует густые заросли. Нигде не вижу на стволах гевеи кашечек для сбора латекса — каучукового сока.

— Плантации давно заброшены, — говорит мистер Хэппи и поясняет мне, что в настоящее время британский капитал главное внимание обращает на добычу нефти и отчасти — лесоразработки и не находит выгодным продолжать эксплуатацию каучуковых плантаций в этом районе.

относительную прохладу в доме. Кроме того, в дом на высоких сваях не заползут змеи или скорпионы. Этой нечисти здесь предостаточно. Сказываются и привычные традиции. Теперь ушли в прошлое такие явления местной жизни, как охотники за черепами и морские пираты. А прежде вражда между даяскими племенами и пиратские набеги заставляли жителей полагаться в первую очередь на самих себя и строить дома-крепости.

Обычные крестьянские хижины поражают исключительной бедностью, убожеством — легкий бамбуковый каркас, камышовая крыша. Уровень сельского хозяйства — крайне примитивный, отсталый. Нигде в Брунее я не встречал ирригационных сооружений — водохранилищ, дамб, каналов. Кое-где попадались посадки риса в естественных низинах, затопляемых водой в дождливый сезон. На полях на высоких ше-

НА НЕФТЯНЫХ ПРОМЫСЛАХ БРУНЕЯ

Л. ДЕМИН

Кандидат исторических наук

Начинаются сельские области. Поселки попадают нечасто. Жилища построены на традиционный малайский манер — на высоких сваях. Если дом позажиточнее, то впереди делается веранда с лестницей. Хэппи объясняет, что такой тип жилых построек очень практичен в местных, тропических условиях. Между половинами оставляют щели в палец шириной, и это обеспечивает хорошую циркуляцию воздуха и

стах красовались обвешанные жестянками и трещотками пугала из тряпья и рогожи. Время от времени крестьянин дергает бечевки, протянутые к его хижине, и пугало издает трезвон и грохот. Никакими другими средствами борьбы с прожорливыми полевыми грызунами он не располагает. Химия для него — недоступная роскошь. И удивительно ли, что посадки риса в таких условиях дают чрезвычайно низкие

урезаи. Эта непримечательная картина брунейской деревни — одно из вещественных доказательств того, что у англичан с их мифом о процветании брунейского султаната не совсем сходились концы с концами.

Попадаетеся богатая усадьба, одна, другая. Нарядный дом, окруженный службами, фруктовыми деревьями. Посадки папайи, сои, грядки с овощами... Узнаю, что это крупные фруктово-овощеводческие фермы, принадлежащие местным богатым китайцам. Они снабжают фруктами и овощами рынки городов султаната.

Дорога тянется вдоль побережья, иногда уклоняясь к югу, а порой приближаясь к морю. Поля сменяются унылым пейзажем вырубок. Сотни гектаров покрыты лишь мелким кустарником, чахлая подлеском да всяким трухлявым древесным хламом, оставшимся после старых лесоразработок. Вдоль шоссе дороги и побережья все высококачественные породы леса давно вырублены. Сознывая, что рано или поздно придется уйти из Брунея, британские компании ведут эксплуатацию лесных богатств султаната самым хищническим образом. В настоящее время они ведут наступление на уцелевшие еще лесные массивы к югу от побережья, сплавляя древесину по рекам. После нефтедобычи лесоразработки составляют важнейшую сферу приложения частного капитала. Древесина частично находит внутреннее потребление, а частично идет на экспорт.

Встречные городки своим обликом напоминают обычные маленькие городишки Индонезии и Малайзии. Здесь встретишь неизменные ряды китайских лавок и харчевен, мечеть, школу, полицейский участок. Если городок побольше, то видишь еще шпиль христианской церкви. В Тутонге, административном центре округа, останавливаемся перекусить и заправить машину горючим. Бензоколонка, как и следовало ожидать, принадлежит фирме «Шелл». Шелловские бензоколонки обычно украшены эмблемой в виде раковины. Слово «шелл» по-английски и означает «раковина». Рядом вижу какое-то учреждение с вывеской: «Балай бомба». Подобные вывески я уже встречал где-то в Брунее и городах Малайзии. В данном случае «бомба» не имеет ровно никакого отношения к этому слову в нашем понимании. Это просто мест-

ный эквивалент индонезийского термина «помпа», то есть насос. Слово «балай» имеет широкое значение и в разных случаях может переводиться как «заведение», «учреждение», «институт», «контора» и т. п. Слово сочетание «балай бомба» означает «пожарная часть». Если судить по количеству подобных вывесок, противопожарная служба в Брунее поставлена неплохо.

Вот и поселок Сериа — цель нашего путешествия. В море и на суше возвышаются конструкции нефтяных вышек. По земле тянутся во всех направлениях, извиваясь и перекрещиваясь, трубы нефтепровода. Минуем небольшой аэродром, заросший травой, какой-то завод, поселок.

Здесь с размахом хозяйничает «Бруней шелл петролеум компани», филиал англо-голландского монополистического объединения «Роял датч — Шелл». Подъезжаем к управлению фирмы, большому двухэтажному дому, окруженному плотным кольцом легковых автомашин. Нас встречает мистер Хэрпер, коммерческий советник фирмы, уже предупрежденный о нашем визите. В его блестящем удобном кабинете, охлажденном с помощью кондиционеров, совсем не чувствуешь тропической жары. Что, собственно, интересует советского гостя?..

Уловив в вопросе настороженность, я повторяю примерно все то же, что говорил представителю фирмы в городе Брунее — Коатсу. Упоминаю и о деловых контактах между «Шелл» и советским пароходством.

— О да, это хороший бизнес, — соглашается мистер Хэрпер. — Ваши корабли, заходя в Сингапур, заправляются шелловским горючим, а это горючее поставляем мы, «Бруней шелл петролеум компани».

Коммерческий советник распорядился подать кофе, а сам, вооружившись указкой, подошел к карте и прочитал нам с глубоким знанием дела целую лекцию. «Шелл» — компания мирового значения. Она ведет добычу во многих странах мира. Бруней — лишь небольшая часть сферы ее деятельности, хотя и немаловажная. В Юго-Восточной Азии по объему нефтедобычи брунейский султанат уступает только огромной Индонезии. Брунейские нефтепромыслы охватывают как район суши, так и прибрежные воды. В настоящее время все более и более интенсивно ведется добыча нефти с морского дна. По

словам мистера Хэрпера, у западных берегов Брунея установлены в море десятки вышек на прочных металлических опорах с агрегатами для откачки нефти.

Указка советника скользит по карте, останавливая наше внимание на условных точках, обозначающих нефтяные скважины в море. Они отодвигаются все дальше от берега. Судя по расположению этих точек, добыча нефти с морского дна ведется в широкой полосе. Дальние скважины удалены от берега на 10 километров.

Мы покидаем кабинет и совершаем поездку по владениям «Шелл». Хэрпер показывает нам аэродром — свой, шелловский. Отсюда вертолеты доставляют рабочую силу и технику на установленные в море вышки. Каждая такая вышка снабжена металлической платформой для вертолетов.

— Наш завод, — говорит коммерческий советник, указывая на строения и резервуары, опутанные трубами.

Завод этот был построен в 1955 году для выработки бензина из нефтегазов. Основная масса добытой нефти идет отсюда по трубам нефтепровода в район Мири в Сараваке и оттуда уже вывозится на танкерах.

— Наш клуб... Наш госпиталь... Наша техническая школа, церковь... — слышу слова Хэрпера.

Вообще этот мистер Хэрпер слишком часто произносит слова «наш», «наша», «наши». Да это и не удивительно. Здесь вотчина «Шелл», и все вокруг принадлежит этой могущественной компании.

На промыслах, по словам коммерческого советника, занято от 600 до 700 рабочих и служащих. Среди квалифицированных рабочих и служащих значительна прослойка китайцев. Инженерно-технический и административный персонал преимущественно состоит из англичан и частично голландцев. Для них построены комфортабельные коттеджи с кондиционерами, охлаждающими воздух, верандами, гаражами для персональных лимузинов. Особняки утопают в зелени цветущих магнолий, фикусов, пальм. Слуги-малайцы следят за чистотой дорожек, подстригают траву и подают кушанья белым господам — все как в старые, колониальные времена. Для рабочих выстроены бараки, поделенные на тесные квартирны. Мы проехали мимо казарменно-однообразных рядов бараков. Для подготовки квали-

фицированных мастеров фирма открыла в 1950 году в Сериа техническую школу. Сперва было принято 40 человек из числа рабочих фирмы. Позже количество учащихся возросло. Сейчас школа готовит механиков и электриков.

Советский корреспондент на промыслах «Шелл»! Это любопытно и даже немного сенсационно. К нам присоединяется бойкий молодой человек с фотоаппаратом. Мистер Хэрпер представил его как корреспондента еженедельника «Салам» — собственной шелловской газеты. Корреспонденту непременно хочется запечатлеть нас на фоне какого-нибудь шелловского пейзажа. Он находит агрегат с перекрещивающимися трубами нефтепровода и заставляет нас позировать.

Коммерческий советник везет нас еще дальше на запад, в пограничный городок Куала-Белаит. Шоссе тянется мимо особняков инженеров и служащих фирмы. За деревьями синее море. Над морем возвышаются остроконечные вышки нефтяных скважин. Дорога обрывается у широкой мутной реки. Ее низменные берега покрыты зарослями низкорослой пальмы-нипа. Пальма эта напоминает наши комнатные декоративные пальмы, какие иногда еще можно увидеть в кадках где-нибудь в вестибюле театра или учреждения. Над нипа возвышается второй ярус — кокосовые пальмы и другие деревья. Эта ярусность придает речному берегу вид исключительно живописный. За рекой граница с Малайзией. Граница проходит по водоразделу рек Куала-Белаит и Барам, протекающей уже по территории Саравака. Здесь, у городка Куала-Белаит, находится паромная переправа через одноименную реку, за которой пограничный таможенный пост. Переправившись на пароме, можно добраться по шоссе до малаязийских городов Лутонг и Мири.

— Мы часто бываем там по делам фирмы, — говорит мистер Хэрпер. — В районе Лутонга и Мири действует другой филиал «Шелл» — «Саравак шелл ойл-филдс». Собственно говоря, Бруней и Западный Саравак — единая сфера интересов «Шелл».

В прилегающем к Брунею малайзийском районе «Шелл» также ведет разработку нефтяных источников и разведку новых месторождений. Еще в 1917 году в Лу-

тонге был сдан в эксплуатацию нефтезавод. Он перерабатывает преимущественно брунейскую нефть. Сюда тянутся из района Сериа через брунейско-малайзийскую границу пять нитей нефте- и газопровода. Разведенные запасы нефти в Сараваке составляют лишь незначительную долю известных нефтяных запасов Брунея. Поэтому основной район нефтедобычи на Северном Калимантане — это Бруней, а не Саравак.

Мистер Хэрпер подчеркнул, что разведенные запасы нефти в этом районе сравнительно невелики. Поэтому фирма обеспокоена перспективой их истощения в недалеком будущем. Но пока что «Шелл» стремится всемерно интенсифицировать разработку нефтяных богатств Брунея, в частности за счет освоения прибрежных участков морского мелководья. В 1967 году экспорт нефтепродуктов из брунейского султаната дал 235 с лишним миллионов местных долларов, или около 80 миллионов американских. Эта сумма значительно превысила общий приход брунейского государственного бюджета.

На берегу реки Куала-Белаит рабочие монтировали из прочных металлических труб вышку. Сверкали огни электросварки. Отсюда, из устья реки, вышку доставят на самоходной барже в море и там установят на морское дно с помощью подъемного механизма. — Здесь шумная строительная площадка, а подымешься вверх по реке две-три мили, и можно встретить крокодила, — сказал Хэрпер. — В джунглях не редкость питон или дикий кабан. Кое-кто из наших служащих увлекается охотой.

Поездка на нефтяные промыслы «Шелл» заканчивается. Я благодарю коммерческого советника за его рассказ и интересную экскурсию.

Направляемся обратно в Бруней. Вновь минуем городок Тутонг. Вспоминаю о заметке в сингапурской газете «Стрейтс таймс». Газета писала, что австралийская нефтяная компания начинает добычу нефти в брунейском султанате, в районе Тутонга, в 30 милях от Брунея. Это будет первая нефтедобыча в стране, которую поведет иностранная компания, помимо «Шелл». Это будет также первый пример инвестиций Австралии в разработку брунейской нефти.

Нефтяное соглашение, которое удалось заключить правительству султаната с «Бруней шелл петро-

леум компании», лишило эту компанию монопольных привилегий на добычу и разведку нефти в стране. Этим и поспешили воспользоваться другие монополии. Австралийская компания, о которой писала сингапурская газета, была далеко не единственным хищником, протянувшим свои щупальцы к богатствам Брунея вслед за «Шелл». В начале 60-х годов одна из американских нефтяных компаний подписала с брунейским правительством соглашение, которое давало ей право вести разведку нефтяных месторождений на территории султаната, в основном в районе того же Тутонга. Какими бы сильными на сегодняшний день ни были позиции «Шелл» в Брунее, как бы ни велико было влияние этого могущественного монополистического объединения на все стороны жизни маленького брунейского султаната, британские монополисты уже столкнулись здесь с угрозой конкуренции со стороны американских, австралийских, а в перспективе — и других соперников.

В настоящее время султанат переживает определенный бум, вызванный значительным увеличением добычи нефти и оживлением деятельности нефтяных монополий. В начале 60-х годов эта добыча падала, и казалось, запасы нефти Брунея близки к истощению. Но с тех пор уровень ее добычи поднялся более чем вдвое.

«Новый бум — не случайность, — писал корреспондент агентства Рейтер Колин Биклер. — Когда запасы нефти на участке в несколько сот квадратных миль, переданном в концессию компании «Шелл», начали иссякать после ее добычи примерно в течение тридцати лет, в основном после второй мировой войны, компания двинулась в море». По свидетельству этого английского журналиста, в настоящее время в пределах семи миль от берега пробурено около 60 скважин, которые дают уже больше половины добычи всех нефтепромыслов султаната. Разведывательные работы отодвигаются все дальше в море.

Доходы от нефти, указывает далее Колин Биклер, позволяют султанату осуществить ряд строек. Речь идет о сооружении нового международного аэропорта, стоящего семь миллионов фунтов стерлингов, новых шоссе, дорог, гавани в Муаре, неподалеку от города Брунея, прорезающей песчаную косу, которая прежде

не позволяла морским судам заходить в воды султаната. Все эти стройки, в которых не могут не быть заинтересованы и нефтяные монополисты, не изменяют общего характера и направленности брунейской экономики, ее полной зависимости от монополий.

Заезжаем полюбоваться морским пейзажем. Здесь, в районе Тутонга, на песчаной косе великолепный пляж. По словам мистера Хэппи, богатые брунейцы и англичане приезжают сюда на воскресные пикники.

Сворачиваем с шоссе на узенькую грунтовую дорогу, стиснутую рядами высоких чемар. Чемара — одна из местных пород хвойных деревьев с нежной и мягкой, как шелковистые нити, хвоей. Ветви деревьев перекрывают дорогу плотным сводом, и мы едем по зеленому коридору.

Вот и море, спокойное, светло-лазоревого. Прибрежная местность пустынна. Нефтяные вышки еще не стали здесь неотъемлемой частью морского пейзажа. На горизонте белеет одинокий рыбацкий парусник. На чистом песке пляжа сверкают, переливаясь перламутровым блеском, раковины самой причудливой формы — плоские, конические, створчатые. Попадают и крупные, величиной с блюдце или даже столовую тарелку. Бегают маленькие проворные крабы. Пытаюсь поймать одного. Почуввав опасность, он ловко прячется во влажный песок, оставив на поверхности едва заметную лунку. В чаще деревьев пронзительно и размеренно кричит какая-то птица. Пролетели два небольших красно-синих попугайчика.

— Возможно, здесь обнаружат нефть, — говорит мистер Хэппи. — И тогда вырубят эти чемары. На пляже и в море появятся вышки. И уже не будет этой спокойной красоты. Думаю об этом, и становится немного грустно.

Возвращаемся в Бруней. Я обращаю внимание на окрестный пейзаж. Какой он унылый! Такое впечатление создают рыжие плешины обнажившегося краснотерра на склонах холмов. Они изрезаны глубокими морщинами оврагов и рытвин. Это эрозия почвы, вызванная обезлесиванием. С каждым тропическим ливнем склоны размываются все больше и больше. Мой спутник говорит о каких-то планах правительства султаната по борьбе с эрозией. Но, как видно, планы остаются планами, и никаких действенных мер против этого зла, разрушающего природу, пока никто не принимает.

Независимой Сирии — 25 лет

СИРИЙСКИЙ народ отмечает знаменательную дату — День независимости. 25 лет назад, 17 апреля 1946 года, последний иностранный солдат покинул сирийскую землю. Это была большая победа. Закончился первый этап национально-освободительной революции. Сирия добилась полной политической независимости.

Много жертв было принесено на алтарь свободы. Героической была борьба сирийского народа против империалистических происков, за социально-экономический прогресс.

За четверть века, прошедшие с дней освобождения от колониальной зависимости, Сирийская Арабская Республика достигла больших успехов. Ныне в результате национализации всех предприятий, находящихся в руках иностранного капитала, ликвидированы экономические позиции империализма внутри страны.

Завершается проведение в жизнь закона об аграрной реформе, что привело к ликвидации класса крупных землевладельцев-феодалов. Основной силой в современной сирийской деревне стали крестьяне, в чьих руках три четверти всех пригодных для обработки земель. Создаются образцово-показательные производственные кооперативы и государственные хозяйства.

Декреты о национализации крупных предприятий и банков нанесли удар позициям крупной сирийской буржуазии и привели к росту и укреплению государственного сектора, который стал господствующим в промышленном производстве страны. Сейчас этот сектор дает более 80 процентов промышленной продукции Сирии.

Развитию независимой сирийской экономики способствует создание с помощью социалистического лагеря ряда важных народнохозяйственных объектов, в том числе успешное строительство с помощью Советского Союза Евфратского гидрокомплекса. По окончании первой стадии работ на Евфрате к 1974 году национальный доход Сирии увеличится на 200 миллионов долларов.

Сегодняшняя Сирия активно участвует в антиимпериалистической борьбе, твердо отстаивает справедливое дело арабских народов, требующих ликвидации последствий израильской агрессии 1967 года, мира и безопасности на Ближнем Востоке.

Важным шагом на пути дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами явился визит в Советский Союз в феврале 1971 года партийно-правительственной делегации САР во главе с премьер-министром (с марта 1971 года — президентом Сирийской Арабской Республикой) Хафезом Асадом.

В ходе переговоров обе стороны с удовлетворением отметили успешное развитие дружественных отношений между Советским Союзом и Сирийской Арабской Республикой, которые основываются на принципах равноправия, взаимного уважения, независимости и невмешательства во внутренние дела друг друга. Стороны выразили твердое убеждение, что это плодотворное сотрудничество в политической, экономической, культурной и других областях отвечает коренным интересам народов обеих стран.

Советские люди приветствуют сирийский народ в день 25-летия независимости родины, желают ему процветания и новых успехов.

Н. НЕФЕДОВА